

Золотько Ольга Вячеславовна

СОН О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ И ИДЕИ ВЕРСИЛОВА В РОМАНЕ "ПОДРОСТОК" Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Данная статья посвящена образу золотого века в романе "Подросток" Ф. М. Достоевского. В произведениях писателя античный миф о гармоничном существовании человечества в прошлом помещается в сновидения героев и выражает их тоску по утраченной связи с реальностью, их надежду обретения счастья для всех людей. В литературе о Достоевском подробно рассмотрен сон о золотом веке в рассказе "Сон смешного человека", получили меньшее внимание сон Ставрогина в романе "Бесы" и Версилова в романе "Подросток". В статье образ золотого века рассматривается в связи с образом Версилова.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 75-77. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

Данная статья посвящена образу золотого века в романе «Подросток» Ф. М. Достоевского. В произведениях писателя античный миф о гармоничном существовании человечества в прошлом помещается в сновидения героев и выражает их тоску по утраченной связи с реальностью, их надежду обретения счастья для всех людей. В литературе о Достоевском подробно рассмотрен сон о золотом веке в рассказе «Сон смешного человека», получили меньшее внимание сон Ставрогина в романе «Бесы» и Версилова в романе «Подросток». В статье образ золотого века рассматривается в связи с образом Версилова.

Ключевые слова и фразы: Достоевский; Версиров; Комарович; золотой век; мечтательство; христианство.

Золотько Ольга Вячеславовна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
zolga13@yandex.ru*

**СОН О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ И ИДЕИ ВЕРСИЛОВА
В РОМАНЕ «ПОДРОСТОК» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]**

Некоторые герои Достоевского видят сон в духе античной легенды о «золотом веке». Им снится идеальное прошлое человечества, когда люди жили в гармонии и согласии, они не знали болезней, войн, лжи, их окружала дружелюбная природа, и жизнь была наполнена смыслом. Мы находим развернутые картины «золотого века» в романах «Бесы» (1871-1872) (исповедь Ставрогина в главе «У Тихона», не вошедшей в окончательную редакцию романа) [1, с. 21-22], «Подросток» (1875) (сон Версилова) [2, с. 375], в рассказе «Сон смешного человека» (1877) [4, с. 104-118]. До сих пор в достоевведении наибольшее внимание уделялось толкованию сна Смешного человека, его мировоззрению, состоянию сознания, идеям и характеру, как они проявлялись во сне о золотом веке. В данной статье мы хотели бы обратиться с аналогичной постановкой вопроса к образу Версилова и посмотреть, как на его видении прошлого и последовавшей затем утопии будущего в исповеди Аркадию отразилась личность героя.

В. Л. Комарович в статье «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство» как главную идею-чувство Версилова определяет его тоску по «живой жизни», о ней герой говорит так: это «нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая» [2, с. 178]. Эта тоска проявляет себя и в идеях Версилова, и в его «любви-ненависти» к Ахмаковой. В. Л. Комарович так определяет «живую жизнь»: «текучая и дробная жизнь личности становится “живой”, только приобщаясь органически-целостному бытию вселенной» [5, с. 33]. «В художественной идеологии Достоевского “живой жизни” противостоит “мечтательство” <...> “Мечтательство” – это состояние обособленного уединения, когда личность идеалистически соотносится миру вневличному, превращая его в свое собственное призрачное порождение» [Там же, с. 33-34]. «“Живая жизнь” и “мечтательство” в художественных воплощениях Достоевского (Тихон, странник Макар, Зосима и Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов) кажутся обособленными и взаимно непроницаемыми мирами. <...> И однако, всем своим творчеством Достоевский искал точек соприкосновения этих двух обособленных миров. Им руководила мечта об очищении “мечтательства” “благодатью живой жизни”. И нигде это не проявилось полнее, чем в трагической “любви-ненависти” Версилова» [Там же, с. 34]. Версиров – прежде всего «мечтатель», и это отражается в его идеях, но его «“мечтательство” направлено против самого себя, – в этом своеобразии Версилова среди других “мечтателей” Достоевского: оно не ведет его к “своеволию” (Раскольников); грезит он уже не о гордом человеко-боге (Кириллова и Ив. Карамазова): “золотой век” Версилова – в “любви и простодушной радости”, в первобытно-невинном неведении своей личности, своей “самости” <...> Две “картинки” из “исповеди”, – “золотой век” и “человечество без бога”, – противопоставленные друг другу, дают почувствовать преодолевающее себя самого “мечтательство”, это стремление ума выйти за свои пределы, – от “умственной, сочиненной жизни к жизни живой”» [Там же].

Итак, именно во сне о «золотом веке» Комарович видит прорыв героя от мечты к живой жизни, «преодолевающее себя самого “мечтательство”», тот же пафос и в видении Версировым будущего «человечества без бога», так как это мечта героя не о себе, а обо всем человечестве, о мировой гармонии. Герои-мечтатели Достоевского, которых перечисляет Комарович, – Раскольников, Иван Карамазов, Кириллов – в своей теории тоже в мечтах строили будущее человечества таким, каким хотели бы его видеть, и, в отличие от них, Версиров действительно не пытается изменить миропорядок по своей воле и убеждению, но, может быть, вовсе не потому, что мечтает о «неведении своей личности».

Развивая эту мысль Комаровича, необходимо уточнить, как о своей «великой мысли» говорит сам Версиров в рукописи: «не верю же я ни во что и в то же время верю в великую мысль» («великая мысль» – это ЕГО частное техническое выражение, условиться на этот счет с читателем). «В чем же моя великая мысль? То и смешно и нелепо, что не формулирована. Чуть формулировать, то сейчас же и сам осмею. Нет, она является в чувстве, в впечатлении. Живешь, идешь и вдруг говоришь: “это хорошо”, – так вот это-то и

не хорошо» [3, с. 20]. Здесь угадывается связь с тем описанием «живой жизни» из разговора с князем Сокольским, которое приводил В. Л. Комарович. Версиров говорит о некоем невыразимом чувстве красоты, впечатлении, которое и должно остаться неформулированным, неопределенным. Картина же «золотого века» в его воображении имеет такие ясные, определенные черты. Итак, если он подразумевает под этим представлением, что именно так должна выглядеть «живая жизнь», то противоречит сам себе. И в этом проявляется мечтательство, которое не преодолевает себя, а, наоборот, «умственная, сочиненная жизнь» подавляет «жизнь живую», так как герою все-таки нужно как-то выразить, определить для себя неформулируемое. Мы не можем представить себе старца Зосиму или Макара Ивановича, грезящих о «золотом веке» и «живой жизни», – именно потому, что им не надо ее придумывать, они чувствуют ее целостно, погружены в нее в реальности. И мы не можем представить Версирова, живущего «живой жизнью», потому что он прежде всего мечтатель и человек идеи. Принимая наблюдение Комаровича о трагическом разладе «мечтательства» Версирова и его тоски по «живой жизни» как исходный тезис, хотелось бы поставить ударение на его «мечтательстве» и показать, как оно проявляется в его сне о золотом веке.

Часто сон о «золотом веке» рассматривают как заветную мечту героев Достоевского, которая характеризует их исключительно положительно, так как этот сон выражает самую «прекрасную» мечту, «высокое» заблуждение человечества [1, с. 21]. Но хотелось бы сместить точку зрения: как самое большое чаяние героя эта мечта не может не отразить и характерные черты личности героя. Важно, что этот сон видит именно Версиров, и мечта это именно версировская. Но зачем Версирову «золотой век»?

Комарович приводит такое толкование, что во сне отражается идеал героя – «в “любви и простодушной радости”, в первобытно-невинном неведении своей личности, своей “самости”, в гармонической слитности и человека с обожествленным миром...» [5, с. 34]. Но удивительно, что в романе эта затаенная мечта никак не проявляется в отношениях Версирова с окружающими, он небрежен в обращении с самыми близкими, «третирует всех свысока» [3, с. 52]. И характерна такая запись в рукописи: «есть “своя идея”, т.е. идеал. Идеал нечистый. Самообожание. Люди для него – мыши» [Там же, с. 239].

Итак, герой с «нечистым идеалом», для которого люди – мыши, говорит о «золотом веке», то есть ищет гармонии с людьми, желает счастья не только для себя, но и всех людей. Здесь проявляется его черта как мечтателя, идеалиста – способность к «всечеловечной» любви при нелюбви к ближнему. И может быть во сне он хочет поверить, убеждает сам себя, а сон как раз дает ему веру, что он действительно способен любить ближнего. А не наоборот – он любит всех людей, и потому ему снится этот сон.

Именно поэтому после сна Версиров и собирается найти Софью Андреевну, чтобы «практически осчастливить ближнего», это была только «головная и великодушная любовь», как замечает Аркадий [Там же, с. 400]. И во сне о «золотом веке» та же «головная и великодушная любовь», но необычайно и истинное чувство – а для героя оно действительно, реально – дает ему силы. «Ощущение счастья, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое, даже до боли; это была всечеловеческая любовь» [2, с. 375].

Важна и психологическая сторона этого переживания. Версиров ищет полного чувства счастья, нерасколотого. Он рад искренности в себе, подлинности, совпадению себя с самим собой, которые обретает во сне о золотом веке. Он ищет спасения от своих «двойных мыслей», психической дисгармонии, которая в финале романа разражается катастрофой – двойник Версирова одерживает верх, и он раскалывает икону, «наследство Макара» [Там же, с. 409].

Напомним, каким Версиров видит будущее человечества в своей мечте: после «некоторого периода» существования без идеи бога «настало затишье». «Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертием, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо» [Там же, с. 378-379]. Это состояние как бы зеркально повторяет существование людей в «золотом веке», но тогда была «загадка и тайна», теперь же «тайна выполнена», так Достоевский определяет в рукописи [3, с. 427]. Почему была «тайна»? Утопия будущего, которую строит Версиров, дает ответ и на картину золотого века. Состояние людей повторяет «всечеловеческую любовь» в «золотом веке», но уже на другой ступени. И по мысли Версирова выходит, что любить ближнего можно и без Бога. В рукописи эта мысль еще более заострена: «Обожание человечества вместо бога» [Там же]. Именно после сна о золотом веке, поверив в возможность «всечеловеческой любви», Версиров из чувства долга, заменившего потерянную религиозную веру, стремится «практически осчастливить» маму. Но ему это не удается (в рукописи): «Атеизм – всеобщую любовь почувствовал, а маму не люблю» [Там же, с. 430]. Подросток замечает ему, что это только «напускная общечеловеческая любовь» [Там же]. А настоящая любовь оказывается к Ахмаковой, и она губит Версирова, раскалывает его существование. И это важно, что в жизни «любить ближнего ему» не удастся, потому что именно это несоответствие его мечты и реальности и формирует его идею. Казалось бы, если любить ближнего можно и без идеи Бога, то почему в видениях Версирова о золотом веке эти два компонента всегда связаны – и в прошлом, где еще сияло солнце прежней веры, и в будущем, где после атеизма к людям вновь приходит Христос. Как нам кажется, Версиров ищет целостного чувства всеобщей любви, и хотя он атеист, он все же связывает ее с религиозной верой, это и отражается в его видении золотого века. Поэтому «обожанием человечества» не заканчивается утопия Версирова. «Замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, “Христа на Балтийском море”. Я не мог обойтись без него, не мог не вообразить его, наконец, посреди осиротевших людей. Он приходил к ним, простирал к ним руки и говорил: “Как могли вы забыть его?”. И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...» [2, с. 378-379]. Парадоксально явление Христа в утопии Версирова. Аркадий удивленно отмечает, что такой финал напоминает наступление Царства Божьего. Не касаясь проблемы

эсхатологии в творчестве Достоевского, так как это очень сложная и противоречивая область, мы попытаемся только предположить, что в эту утопию вкладывает Версиров. Себя он называет «философским действом» [Там же, с. 379] и признается Аркадию, что вера его «невелика» [Там же], то есть как в Богочеловека он в Христа не верит. Однако он пытался какое-то время насильно поверить, и в его поисках и метаниях всегда чувствуется тяготение к тому, чтобы преклониться перед чем-то величайшим, чем есть он сам. Эту черту его отмечает Васин в начале романа. Эта его черта в рукописи проговаривалась буквально и в формулировке утопии: «Великая тайна совершилась, явление Христа. Чему же я учил вас? – Все преклонились. Вечная жизнь» [3, с. 427-428]. Поэтому видение будущего Версировым, как нам кажется, есть проекция его личной мечты «преклониться пред богом» на историю человечества.

С приходом Христа «раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...» [2, с. 379]. И здесь мы понимаем, что для Версирова важнее всего в христианстве обещание бессмертия, поэтому он говорит, что «без Христа (православного) и христианства жизнь человека и человечества *немыслима*, потому что *иначе* жить не *стоит* (т.е. на мгновение, лавочки и шашки, ледяные камни – планеты и проч.)» [3, с. 34]. Образ «ледяных камней» и тепловой смерти Вселенной в рукописи выражал невыносимое чувство конечности жизни (в окончательном варианте этот образ возникает в речи Аркадия в кружке Дергачева). И в утопии Версирова тоже появлялся этот мотив: «Сначала Клод Лоррен – всё пройдет, но вместо картин крови или замерзания создавались мечты, идеалы. Потом атеизм» [Там же, с. 428]. Версирову невыносима мысль о потере своей личности и сознания после смерти, поэтому в двух картинах золотого века он проводит прежде всего идею бессмертия (наряду с мечтой о всечеловеческой любви). Он помещает приход Христа в финале истории как желанное обретение им веры, любви и бессмертия.

И в том, что это торжество христианства совершается после периода атеизма, – сложный и противоречивый ход мысли Версирова, его попытка обрести веру в Бога как бы без самого Бога.

Подготовительные записки к роману указывают на противоречие в видении Версирова. О всеобщей любви, наставшей после атеизма, «обожании человечества» восклицает Подросток: «<...> что вы делаете со мной! <...> это такое божество». Версиров отвечает: «Нет, друг мой. Это антихрист» [Там же, с. 426]. То есть для самого Версирова, возможно, было ясно, что он позволяет недопустимую подмену, замещение.

Поразительно, что Версиров не говорит о своей вере в Христа, но он возвращается к мысли о нем, и у него как будто есть потребность выместить его из своей жизни или наконец обрести веру в него. Этим можно объяснить и то, что он раскалывает образ, данный Макаром. Во сне о золотом веке к человечеству приходит Христос – но совсем не по слову Евангелия, это версировский вариант окончания. И неслучайно, что Версиров не осмеливается вложить в Его уста реплику от первого лица, он в прямой речи говорит в третьем лице: «Он приходил к ним, простирал к ним руки и говорил: “Как могли вы забыть его?”» [2, с. 379]. Образу Версирова в романе придан некий ореол хриstopодобия, по крайней мере, в глазах Подростка. И хотя и нельзя говорить о явном подражании Христу, как оно было заложено Достоевским в образ Мышкина «Князя-Христа», все же характерно, что в рукописи будущий Версиров именовался рассказчиком Аркадием заглавными буквами: «ОН».

Явление Христа по Версирову остается сложным для толкования. Тем не менее, ясно, что сон о золотом веке связан с вопросом о существовании Бога, который был главнейшим для Достоевского.

Так, сон о золотом веке включается в идейную структуру романа «Подросток» и историю Версирова. Из переживания всечеловеческой любви во сне возникает чувство долга перед ближними, и видение золотого века становится одним из ключевых в идеях героя о бессмертии и христианстве, отражая черты личности Версирова, его «мечтательство» и тоску по «живой жизни».

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1974. Т. 11. 416 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. 454 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1976. Т. 16. 442 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. 469 с.
5. Комарович В. Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Достоевский. Статьи и материалы: сборник. Л. – М.: Мысль, 1924. Вып. 2. С. 31-68.

DREAM OF A GOLDEN AGE AND VERSILOV'S IDEAS IN THE NOVEL "THE ADOLESCENT" BY F. M. DOSTOYEVSKY

Zolot'ko Ol'ga Vyacheslavovna
M. V. Lomonosov Moscow State University
zolga13@yandex.ru

The article is devoted to the image of Golden Age in the novel "The Adolescent" by F. M. Dostoyevsky. In his works the ancient myth of the previous harmonious existence of the mankind is placed in the characters' dreams and manifests their longing for the lost touch with reality, their hope to find happiness for all people. In the literature about Dostoyevsky the dream of a Golden Age in the story "The Dream of a Ridiculous Man" was analyzed in detail, but Stavrogin's dream in the novel "Demons" and Versilov's dream in the novel "The Adolescent" were somehow neglected. The paper considers the image of Golden Age in connection with the image of Versilov.

Key words and phrases: Dostoyevsky; Versilov; Komarovich; Golden Age; dreaminess; Christianity.